

на жительство и гражданство детям, которые заканчивают в России школу.

Тем самым мы решили бы массу проблем. Мы компенсировали бы убыль абитуриентов. Мы пополнили бы молодое население

страны, которого нам так не хватает. Поэтому, мне кажется, что эту проблему решить можно в ближайшие годы, пока они еще все здесь и не уехали в третьи страны. И здесь для их легализации нужна только политическая воля.

Н.И. Власова

Фонд «Миграция XXI век», Москва

Парадоксы миграционной политики

Демографические прогнозы должны быть тесно увязаны с прогнозами социально-экономического развития России. Для того чтобы привлекать мигрантов, следует определить сферы, куда мы их будем привлекать, регионы, где они будут необходимы. В настоящее время этой увязки практически нет. Мигранты едут сами по себе, а экономика России развивается сама по себе. Наша политика – зачастую сплошной парадокс. Мы говорим о том, что нам нужны мигранты, и в то же самое время с 1 января 2010 г. отменяются отчисления работодателями в Фонд обязательного медицинского страхования и Пенсионный фонд для тех мигрантов, которых они принимают на работу. То есть мигранты лишаются возможности бесплатно пользоваться медицинскими услугами, хотя для них это было бы удобнее. Во всяком случае, такая возможность была, и многие ее использовали. К тому же они лишаются возможности получать пенсию за то время, которое они работали в России. Эти мероприятия не способствуют повышению миграционной привлекательности России.

Еще одно. Говорим, что мигранты нужны. В то же время в конце 2009 г. правительство принимает постановление о том, что дотации регионам, направленные на смягчение напряженности на рынке труда, предоставляются только в том случае, если субъект Российской Федерации сокращает численность привлекаемых им трудовых мигрантов. Понятно, 2009 г. – год кризиса и т.д. Но, естественно, все делается совершенно бездумно. Та же квота сокращалась два раза, причем – совершенно необоснованно. То есть каждому субъекту ее сократили ровно в два раза, независимо от того, необходимо ли было в конкретном месте сокращать иностранную рабочую силу или ее необходимо оставить в том размере, в каком есть.

Все эти примеры говорят о том, что, с одной стороны, правительство у нас не отрицает того, что без привлечения трудовых мигрантов мы не сможем обойтись, а с другой стороны, те меры, которые у нас применяют

страны, которого нам так не хватает. Поэтому, мне кажется, что эту проблему решить можно в ближайшие годы, пока они еще все здесь и не уехали в третьи страны. И здесь для их легализации нужна только политическая воля.

ся по отношению к мигрантам, как раз свидетельствуют совершенно о другом. Это же относится к квотной кампании. Квоты настолько стали маленькими, что они создают проблемы и работодателям, и трудовым мигрантам. Процветает торговля квотами. Это приводит к тому, что у нас опять увеличивается нелегальная составляющая трудовой миграции. Кроме того, в настоящее время мы все таки не знаем, сколько в России находится трудовых мигрантов. Все вы помните, когда пришел С.С. Собянин, на заседании правительства Москвы встал вопрос, а сколько же у нас в Москве мигрантов. И началось! Одни говорят: два миллиона, другие – 100–150 тысяч. Сколько их на самом деле, не знает никто. Это означает, что нам нужно много внимания уделять еще и учету численности трудовых мигрантов.

Наш Фонд является российской структурой. Однако в прошлом году Фонд выиграл тендер Всемирного банка на роль Секретариата сети практиков в области миграции и денежных переводов (МИРПАЛ), которая включает практиков и экспертов в сфере денежных переводов и трудовой миграции на пространстве СНГ. В настоящее время в эту сеть входит 9 государств, включая Россию. Одним из направлений деятельности этой сети является совершенствование методологии и учета масштабов трудовой миграции и объема денежных переводов.

В настоящее время одной из задач этой сети является подготовка одномоментного обследования численности трудовых мигрантов и объема денежных переводов на пространстве СНГ. Сейчас мы приступаем к этой работе и были бы очень рады, если бы присутствующие здесь коллеги приняли в ней участие. В рамках МИРПАЛ созданы две рабочие группы – по денежным переводам и по трудовой миграции, которые будут заниматься этими ми вопросами.

Я думаю, пока мы не будем знать, сколько в России находится мигрантов, мы не можем четко прогнозировать, сколько их необходи

мо, – или мы так и останемся в неведении – то ли их четыре миллиона, то ли шесть, а может быть, все десять или пятнадцать. Никто до сих пор точной оценки дать не может. У нас учетом мигрантов занимаются и ФМС, и Минздрав, и Роструд, и ФСБ, и пограничная служба, но никто не располагает достоверной информацией о масштабах этого процесса. Поэтому, мне кажется, здесь нужно акценты делать на большую увязку демографического прогноза с прогнозом социально экономического развития и более полным учетом численности мигрантов. Необходима также более тесная увязка принимаемых на правительственном уровне решений с целями миграционной политики.

Следует отметить еще один момент. Мы совершенно не обращаем внимания на проблему выезда из Российской Федерации рабочей силы на работу за рубеж. У нас есть структуры, которые по лицензии ФМС занима-

ются учетом таких лиц и оказывают им содействие в устройстве за рубежом. Но, по данным статистики ФМС России, численность таких людей колеблется от 65 до 80 тыс. человек. Но на самом деле выезжает значительно больше людей, и их большая часть занимается трудоустройством за рубежом самостоятельно. В принципе численность этих людей довольно значительная. Недавно я читала в газете, что ежегодно порядка 3–4 млн российских граждан выезжают на работу за границу. Может быть, эта цифра завышена, а может быть, и занижена. Опять же нет никакой достоверной информации.

До сих пор этим вопросам у нас внимания не уделяется, несмотря на то что президент Медведев и премьер министр Путин говорили, что возвращаются высококвалифицированные специалисты. У нас уже начался этот процесс. Двое приехали в Россию – ура! Ура!

Е. Т. Гурвич

Экономическая экспертная группа, Москва

Долгосрочные демографические вызовы и пенсионная политика

Главные глобальные демографические тенденции второй половины XX и начала XXI в. состояли в существенном увеличении продолжительности жизни населения при снижении рождаемости. По данным ООН (UN, 2009), за последние шесть десятилетий средняя продолжительность жизни в мире увеличилась на 21 год (почти в полтора раза). Результатом этого стали значительные сдвиги в структуре населения планеты. Как свидетельствуют данные табл. 1, за период с 1950 по 2010 г. удельный вес несовершеннолетних снизился на 7,6 процентных пункта (п.п.). Убыль в этой возрастной группе компенсировалась равным ростом удельного веса работоспособного населения (от 16 до 65 лет) и населения старшего возраста. Особенно выраженным было старение населения в наиболее развитых странах³ – здесь доля несовершеннолетних упала на 11,5 п.п. и на столько же повысилась доля пожилого населения. В странах со средним уровнем доходов удельный вес молодых снизился почти так же (на 9,8 п.п.), однако это произошло в основном за счет увеличения доли трудоспособного населения (которая повысилась на 6,6 п.п.).

В России падение доли молодого населения (14,4 п.п.) оказалось значительно более

выраженным, чем в рассматриваемых группах стран и в мире в целом. Как и в странах со средними доходами, убыль несовершеннолетних распределилась между трудоспособным и пожилым населением. Однако доля населения старшей возрастной группы увеличилась почти как в развитых странах (на 9,2 п.п.).

По оценкам ООН, в обозримом будущем тенденция старения населения продолжится. В результате доля пожилого населения к 2030 г. увеличится в 1,5 раза по сравнению с 2010 г., а к 2050 г. – в 2,2 раза (см. табл. 1). Для развитых стран ожидаемый рост удельного веса старшей возрастной группы будет несколько меньшим (в 1,4 раза к 2030 г. и в 1,7 раза к 2050 г.). Однако это говорит не о стабилизации возрастной структуры населения в развитых странах, а о распространении этого процесса и в других странах. Старение населения создает серьезную угрозу устойчивости бюджетных систем. Масштабы возникающих проблем и возможный ответ на них уже давно стали предметом анализа и обсуждения в развитых странах и международных организациях (см., например, (European Commission, 2006, 2009; UN, 2009)).

³ К этой группе здесь отнесены страны Северной Америки, Европы, Японии, Австралия и Новая Зеландия.